

Давая образ Пушкина, описывая его качества, Вилли Мельников применяет антропоним Пушкина – Онегин – по отношению к самому Пушкину, как изгнанника из салонов – «изгОнегин» – в контексте «изгой Онегин», «изгнанный Онегин». Мы снова видим авторский прием поэта: соединение морфем двух разных слов, которые по фонетическому звучанию и написанию «из-салонов-изгонегин», предоставляют возможность увидеть узнаваемость слова, его смысла, узнаваемой становится стилистика авторского приёма. В данном контексте антропоним Онегин оказывается включённым в часть неологизма «изгОнегин», являющегося по функции причастием – «изгнанный из салонов», или, скорее, не в прошедшем, а в настоящем времени действия – «изгоняемый из салонов». «Изгонегин» – тот, кого изгоняют. Сам неологизм не становится антропонимом, он, скорее, даёт новый нарицательный смысл антропониму «Онегин», включенному в часть неологизма, он не замещает, но дополняет статус того, кого изгоняют. Он имя нарицательное, но узнаваемое, – это изгой Онегин. Этой же функцией Вилли наделяет Пушкина, он всё тот же «изгОнегин».

В этом же произведении мы встречаем годоним «Невский (проспект)» как составную часть авторского неологизма:

шёл проспектом однодНевским [3, с. 18].

Смысл его проступает явно в контексте не только, как один день из жизни Невского проспекта («однодневского»), но и само произведение получает пространственно-временной ракурс в самом неологизме: время действия героя – один день, место действия «изгОнегина» – Невский проспект.

Исследуя авторский метод, мы можем отметить, что Вилли Мельников использует приёмы как лингвистической метонимии внутри слова, контрапунктом противопоставляя в слове посредством анаграммы одну морфему – другой, как, например, в кентавр-антропониме «Изер'girl». В тоже время этот контрапункт: старуха-девушка – позволяет перейти к синергии смысла самого имени, к его обобщающему значению – образу мудрой девы, где мудрость – прерогатива образа Старухи, а юность – Девы, но в этом обобщающем смысле Изергиль становится Иезекииль, той, которой уже Бог даёт силу. Таким образом, по сути, Вилли Мельников, творя кентавр-антропоним, создает слово полиинтервальное, внутренняя семантика которого строится по закону диалектики интервалов, это некая лингвистическая квантовая единица, би-интервальная по значению. Каждая морфема-билингва внутри неологизма, с одной стороны, имеет автономное, присущее ей корневое значение, с другой стороны, по принципу семантической дополнительности, раскрывает слово изнутри как тезис-антитезис, так и выявляет его скрытый синтетический замысел, то есть являет собой единицу своеобразной квантовой лингвистики.

Таким образом, процесс образования кентавров-понимов в поэтическом дискурсе московского поэта Вилли Мельникова рассматривается нами как органический процесс внутри единого поэтического космоса автора, как состояние со-бытия понимов-неологизмов метаречи как элементарных частиц квантовой лингвистики автора.

Литература

1. Вежбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1978. Вып. 8. Лингвистика текста. С. 402-425.
2. Калинин В. М. Знакомьтесь: поэтономология // Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. Тамбов. – 2016. Т. 2. Вып. 4 (8). С. 18-27.
3. Мельников В. Р. Штурман железнодорожного плавания. – Киев: Интерсервис, 2016. – 222 с.
4. Пинкер С. Язык как инстинкт. М.: Едиториал УРСС. – 2004. – 456 с.

ЕВГЕНИЙ ЧИГРИН

СОБЕСЕДНИК ПУШКИНА

Умер великий русский писатель Андрей Битов. Знаменитый классик постмодернизма, автор «Империю в четырёх измерениях», «Уроков Армении», виртуозных эссе, повестей, киносценариев, записок, стихотворений, едва ли не самого знаменитого «андеграудного» романа семидесятых «Пушкинский дом»...

Может быть, самый-самый западный русский прозаик, собеседник Пушкина посредством таких книг, как «Предположение жить» и «Вычитание зайца». В прамбуле «Предположения» Андрей Георгиевич

писал: «Когда кончилась его личная (Пушкина), его краткая, его такая собственная, такая единственная жизнь, такая живая, такая одна, которую он так отстаивал (между прочим, и от нас) вплоть до смерти, когда крепость его жизни пала, тут уж все кинулись в пролом, жадные и любопытные: что внутри?». Эти слова вполне уместно написать, точнее, повторить сегодня за Битовым. Он им соответствует в той, в пушкинской мере. Снимаю с полки книги писателя, чтоб убедиться, когда он подарил мне тот или иной том, и навзрыд читаю: «поэту Евгению Чигрину в честь перебежания зайцем А.С. Пушкину дороги, а также восстания декабристов, грядущему к 25 декабря. Привет. А. Битов. 25 декабря 2000 года».

Ну вот, и сейчас декабрь. Теперь для меня навсегда битовский декабрь. Этот огромный почти 1000-страничный том он подарил мне в Москве, но ведь познакомился я с ним не в столице. А в далёком теперь 1997 году во Владивостоке, куда он прилетел с выступлениями, и для окончательного разговора с тогдашним губернатором, пробивая самый первый в России памятник Осипу Мандельштаму. Именно после установки этого памятника в «Тексте как поведении» он напишет: «Мандельштама – любят. Не всенародной любовью, а – каждый». Так ведь и Битова любят именно такой любовью.

И ещё одну книгу снимаю с полки: «Человек в пейзаже», где крупным наклонным почерком написано: «Е. Чигрину – на память о памятнике и светлых днях во Владике с питерским приветом». Господи, только теперь понимаю, как же мне повезло, я общался не только с его книгами, но и с ним самим на протяжении 23 лет: во Владивостоке, на острове Сахалин, где Андрей Георгиевич провёл почти две недели, в Москве на посиделках ПЕН-клуба и у него дома, на Красносельской. Последний раз говорили по телефону несколько недель назад, он кажется был на своей даче под Санкт-Петербургом...

Да, упоминая чеховский Сахалин, приведу его слова из моего очерка «Глаз на Востоке»: «Моим любимым предметом была география, я знаком со многими людьми, побывавшими на Сахалине, читал и слышал о нём с детства, поэтому, когда представилась возможность побывать, я не мог противостоять искушению, хотя ради этого пришлось отказаться от поездки в Венецию, Македонию и Анапу... Я ведь и сам с небольшого питерского острова. Моя родина – это такой мутный глаз империи на Западе, а Сахалин – это мутный глаз на Востоке. Получается такое двуглазое чудище...».

Память весьма избирательна, помню не только, как путешественник Битов пробовал островные деликатесы, но и как Андрей Георгиевич пристально всматривался в покрытого лаком колоссального каменного окуня, найденного в Японском море. Голова огромная, чешуя крупная, рот большой, выдвигной, открытый. Короча – манта. На мгновение показалось, что и рыба присматривается к писателю... А что? Титаны морских глубин и русской литературы обмениваются молчанием... А за окном морского музея перекатывался солнечный сентябрь, шумел морской порт, выкрикивали жаргонные словечки стивидоры, ведущие разгрузку, и моряки, сейнеры и паромы пахли Востоком: Японией, Кореей, Гонконгом, и какой-то белый катерок легко нарезал по аквамаринovým волнам Татарского пролива.

Теперь нам предстоит ещё долго осознавать, сколько он сделал для русской культуры, скольких авторов мирового значения ввёл в обиход, написал предисловия, составил, издал. Перечислить нет никакой возможности. «Ничего более русского, чем язык, у нас нет. Мы пользуемся им так же естественно, как пьём или дышим». Даже если бы он написал только эту фразу, то и с ней наверняка остался бы в современной литературе. А ведь есть ещё великое множество. Цитирую по памяти: «Открываю Пушкина – закрываю Гоголя. И наоборот. В любом месте – и всё на месте». В самом начале «Аптекарского острова» он написал: «Хорошо бы начать книгу, которую надо писать всю жизнь... То есть не надо, а можно писать всю жизнь: пиши себе и пиши. Ты кончишься – и она кончится. И чтобы всё это было – правда. Чтобы всё – искренне». Вот он так и жил. Жил и писал. Всю свою жизнь. И в собеседниках у него были: Пушкин и Вяземский, Гоголь и Барков, Шаламов и Шостакович, Галич и Габриадзе, Байрон и Бродский, его любимый Андрей Платонов и самый лысый и самый смелый (Хрущёв) и ещё целая вереница персонажей...

Как-то написали, что «Андрей Битов – писатель, который умеет читать. Читать вслед за ним прозу и поэзию Пушкина, Достоевского, Мандельштама, Платонова – это значит открывать для себя заново и поэзию, и прозу». Теперь в этот ряд нужно поставить и Андрея Георгиевича Битова.

Спасибо ему за это!